

Федор Александрович Абрамов

Жила-была семужка

Федор Александрович Абрамов

Жила-была семужка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160414

Жила-была семужка:

Содержание

Жила-была семужка	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Федор Александрович Абрамов

Жила-была семужка *Северная сказка*

Ее звали Красавкой.

Это была маленькая пестрая рыбка, очень похожая своей золотисто-палевой, в красных пятнышках, расцветкой на гольянов – самую нарядную рыбешку северных рек.

Вот только голова у Красавки была большая, непомерно толстая, и, наверно, поэтому те же самые гольяны – их семейка жила рядом, в тихой заводи у берега, – никогда не заглядывали к ней на быстринку.

Быстринка – маленькая веточка-протока, оторвавшаяся от пенистого порога. От главной речной дороги, по которой гуляют большие рыбы, ее отделяет серый ноздреватый валун. Сверху валун густо забрызган белыми пятнами – на нем постоянно вертятся трясогозки, а под валуном – промоины, спасительные промоины с холодной ключевой водой. Жарко – ныряй в промоины, разразилась буря-непогодь – и опять выручают промоины. А главное – где бы она укрывалась от врагов?

Врагов много. Враги со всех сторон. Зубастые щуки, рыскающие в прибрежной осоке, огнеперые разбойники окуни, налимы-притворщики, наподобие серых палок залегшие у камней, и даже ерши. Ужасные нахалы! Подойдут скопом к быстринке, развернутся, как для нападения, и стоят неприступные, ошетилившиеся, выпучив большие синие глазищи.

Поэтому Красавка – ни на шаг от своей быстринки.

С утра она ловила букашек и пауков, которых приносило течением, а затем, если было солнечно, играла: то подталкивала носиком искрометные камешки на дне, то прыгала за изумрудными стрекозами, снующими над самой водой, а иногда, ради забавы, даже кидалась на какого-нибудь зазевавшегося малька.

Но особенно она любила наблюдать за большими рыбами. Она часами могла смотреть на пляску проворных хариусов в шумном пороге, на стремительный бег красавцев сигов, которые, подобно серебряной молнии, прорезали темные глубины плеса – огромной ямины, начинающейся сразу за валуном.

В общем, ей нравилось житье на веселой быстринке.

Но вот наступили темные, хмурые дни, с дождями, туманами, и Красавка затосковала.

Солнце теперь показывалось редко, сверху все время сыпались листья, лохматые, разбухшие, и на быстринке было неуютно и сиротливо. А по ночам к валуну стал наведываться обжора-налим. Скользкий, безобразно голый, морда с уси-

щами, он подолгу шарил под валуном, принюхивался, тяжело сопел. Красавка еще глубже забивалась в промоины и до самого рассвета дрожала от страха. И так ночь за ночью.

Что делать? Куда податься?

Однажды утром, в который раз размышляя над своей судьбой, она вдруг увидела слева от валуна, на плесе, там, где пролегалла главная дорога в реке, огромную, незнакомую ей рыбу. Рыба неторопливо плыла вниз по течению, и, когда она изредка взмахивала хвостом, от нее расходились волны. А как она красива была, эта рыба! Тело длинное, сильное, в розовых и золотистых пятнах, могучие темные плавники с оранжевой каймой...

Едва проплыла эта удивительная рыба, как вслед за нею показалась стайка пестряток – таких же цветастых рыбок, как сама Красавка, но только побольше ростом.

И что поразительно: пестрятки бежали весело и беззаботно, словно по меньшей мере они находились под покровительством этой рыбы.

Недолго раздумывая, Красавка поплыла им наперерез.

– Скажите, пожалуйста, – очень вежливо обратилась она к ним, – что это за рыба прошла мимо?

– Как? – удивились пестрятки. – Ты не знаешь свою родственницу семгу?

– Родственницу? – пролепетала изумленная Красавка. – Значит, и я буду такой же сильной рыбой?

– Ну а как же... Вот еще дуреха! – расхохотались пестрят-

ки. – Да откуда ты взялась?

– Я... я тут, с быстринки...

– Ах, да она сеголеток, – разочарованно сказали пестрятки, – и ни черта еще в жизни не видала. Хочешь с нами на порог?

– А что вы там собираетесь делать?

– Спрашиваешь! Когда семга икру мечет, что делают?

Грубость и высокомерная развязность пестряток покорибили Красавку. Но почему бы ей не присоединиться к ним?

На дресвяном приплаве у грохочущего порога творились странные вещи. Большая семга, работая плавниками, разрывала мелкую цветную гальку, а рядом с ней хлопалась еще одна семга, поменьше, – розоватая, с длинной костлявой головой и уродливым хрящеватым отростком на кончике нижней челюсти. Это, как сказали Красавке, был самец, которого называли Крюком.

– А что они делают? – тихо спросила Красавка, с любопытством присматриваясь к семгам.

– Они роют коп – яму, куда откладывается икра.

Пестрятки обошли стороной большую семгу и начали спускаться в шумный, пенистый порог.

– Ой, я боюсь, меня унесет! – закричала Красавка, отчаянно работая хвостиком.

– Да не бойся ты, глупая. Разве такие бывают пороги!

Впрочем, Красавку напугал не столько сам порог, сколько то, что она увидела за горловиной порога. Там, под густыми

шапками пены, толпилась крупная рыба: темноспинные хариусы с оранжевыми плавниками, крутолобые, поблескивающие слизью налимы. Зачем же она полезет к ним в пасть?

Красавка прибилась к стайке пестряток, задержавшихся у небольшого валуна, сбоку стремнины, и стала ждать, что будет дальше.

Тускло мерцало оловянное солнце. В горловину порога со стуком скатывались камешки, выворачиваемые плавниками.

Вдруг вода вокруг – семги уже наполовину зарылись в яму – забурлила, закипела ключом. Семги неистово били хвостами, извивались, с яростью терлись брюхом о дресву.

Пестрятки насторожились.

– Что они делают? – шепотом спросила Красавка, кивая на коп.

– Ну и бестолочь! Милуются...

– А зачем?

– Зачем, зачем...

Из-под хвоста большой семги выскользнули веселые оранжевые горошинки и тотчас же от брюха самца отделилось белое мутное облачко...

Пестрятки стремительно бросились на эти горошины.

Красавке тоже удалось схватить несколько штук.

– Ну как, хороша семужья икра? – спросила ее одна из пестряток.

– Вкусна. Очень вкусна. – Красавка от удовольствия даже помахала хвостиком. – Я ничего подобного не ела.

– То-то же!

Меж тем икринки все выкатывались и выкатывались из-под хвоста семги, янтарной цепочкой растекались по течению. Их хватали пестрятки, заглатывали налимы, за ними охотились хариусы. И так продолжалось день и ночь.

Красавка наелась до отвала.

Она была очень благодарна большой семге и решила хоть на словах выразить ей свою признательность.

– У вас очень вкусная икра, – сказала она, осторожно приближаясь к ней сбоку.

– Ты пожирательница своего рода, – прохрипела семга. Глаза у нее были мутные, осовелые, она с трудом ворочала плавниками, и по всему чувствовалось, что страшно устала.

– Что это значит?

– Я мечу икру – и из каждой икринки должна вырасти семужка. А ты пожираешь своих сестер и братьев.

– Боже мой! Неужели? Простите, пожалуйста. Я не знала.

Несколько секунд Красавка растерянно смотрела по сторонам, затем бросилась усовещевать пестрятку:

– Стойте! Остановитесь! Знаете ли вы, что делаете? Вы поедаете своих сестер и братьев.

Пестрятки рассмеялись:

– Чистоплюйка! Вздумала мораль читать. Сама налопалась, а другие не могли...

Красавка, опечаленная, вернулась к семге:

– Они меня не послушали.

Семга ничего не ответила. Она выбиралась из копа.

Крюка уже не было.

Красавка, влекомая любопытством, подплыла к кромке копа, заглянула в него. Там, на дресвяном дне, кое-где посе-ребренном чешуей, лежала горка веселых оранжевых икринок. И, казалось, они улыбались, точно радуясь своему появлению на свет. Неужели это правда, что из этих вот крохотулек вылупятся рыбки?

Вдруг в яму посыпались камешки, песок. Красавка с испугом отпрянула в сторону. Большая семга, работая хвостом и плавниками, засыпала коп.

– Послушайте, – вне себя закричала Красавка, – что вы делаете? Ведь икринки погибнут под дресвой.

– Не погибнут, – ответила семга. – Вот если бы я их не засыпала, тогда бы они погибли. Их пожрали бы рыбы. А так икринки будут лежать до весны. Большой водой размочит коп, и из них к тому времени вылупятся маленькие рыбки. Поняла?

– Но почему, – допытывалась Красавка, – вы позволили рыбам поедать икру? Почему вы не отогнали их? Ведь вы такая большая и сильная.

– Ах, ты еще ребенок и ничего не понимаешь. Вот когда ты станешь матерью, ты узнаешь, каково рожать детей. Я измучена, у меня нет сил. Я с трудом двигаю плавниками. А мне еще надо идти в море.

– В море? А это что такое?

– Море... – У семги на мгновение блеснули глаза. – Море – это далеко, очень далеко. И ты еще узнаешь его в свое время.

Выгибая хвост, семга начала разворачиваться. На нее было больно смотреть. Тело ее похудело, высохло и стало плоским, как доска. На брюхе появились кровоточащие ссадины.

Быстрая стремнина подхватила семгу и понесла в пенистую горловину порога.

– Счастливого пути! – крикнула вдогонку Красавка.

Ей никто не ответил. Ревел порог. На месте недавней ямы-копа, где лежала семга, бугрился маленький холмик, омываемый струйками воды. Пестрятки, отяжелевшие от еды, медленно поднимались вверх по течению.

«Как странно и непонятно устроена жизнь... – думала Красавка. – Зачем пошла семга в море? И что такое море?»

С этим вопросом Красавка обращалась ко многим рыбам. Но никто из них: ни ельцы, ни сиги, ни хариусы, ни тем более такая глупая и нахальная рыбешка, как ерши, – никто из них ничего не слышал про море. Может быть, о нем знают щуки и окуни? Но как подступиться к этим живоглотам? Ни одна рыба не может без страха пройти мимо их урочищ, а тут добровольно плыть на верную гибель...

Ночи стали еще длиннее и тоскливее. Сверху целыми днями сыпались белые хлопья. На реке выросла мохнатая ледяная шуга. Куда девалось солнце?

Вокруг поговаривали, что так бывает каждый раз, когда

от них уходит семга.

Неужели она унесла с собой солнце? О, это было бы жестоко, слишком жестоко!

Рыбы присмирели, притихли, стали вялыми и неподвижными. Многие из них перекочевали к порогу – там еще играла вода и было легче дышать.

Но вот и порог заковало льдом. В реке воцарилась сплошная ночь.

– Что же это такое? – со страхом спрашивала у рыб Красавка.

– Это пришла пора большой духоты – самое тяжелое для нас время.

На яме – зимней стоянке рыб – великая теснота. Сюда перебрались все обитатели реки, большие и малые. Душно. Темно. В нижних этажах ямы день и ночь разбойничает налим, у которого, по разговорам, в это время начинаются свадьбы, и оттуда часто доносятся вскрики очередной жерты.

Красавка, стоявшая у какого-то камня на выходе к порогу, была ни жива ни мертва. Она задыхалась. Ей не хотелось ни есть, ни двигаться. Только бы глоток свежей воды. Единственный глоток! А потом ей стало все безразлично. На нее напала спячка, длинная и тягучая...

Избавление, как это ни странно, пришло от щуки, так по крайней мере говорили в реке. Будто разозлилась однажды щука, ударила хвостом по ледяному панцирю, и тот распался.

Ах, какое это счастье – снова вволю дышать, двигаться, ловить личинок, вдоволь есть!

По всему плесу, празднуя свое освобождение, рыбы водили брачные игры. Целыми днями в берегах клокотали щуки, бесновались в курьях окуни, распуская серую кисею икры, весело рассекали мутную воду косяки хариусов, и даже голубоглазые ерши, воинственно ошестинив перья, без передышки пировали в тихих заводях. Потом заговорили, запенились пороги, зазеленели подводные луга – излюбленные пастбища рыб летом, а потом... потом в реку спустилось солнце и золотыми искрами рассыпалось по каменистому дну.

Ура, к нам идет семга!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.